

Религіозно-філософскіе вечера.

(Продолженіе).

ТРЕТІЙ ВЕЧЕРЪ.

Богъ и зло въ міръ

На третій вечеръ все наше общество оказалось въ сборѣ. Очевидно, нашъ кружокъ понемногу спланивался. Но, увы, не было солнца! Весь день шелъ дождь. Ко времени обѣда онъ пересталъ, но все небо заволокло тучами. Воздухъ былъ сѣръ и непрозраченъ. Озеро у береговъ было темносиняго цвѣта, а вдали смутно сливалось съ туманнымъ воздухомъ. Вмѣсто красивыхъ горъ на горизонтѣ видѣлись ихъ темныя, неясныя очертанія. Понятно, что и настроеніе гостей утратило прежнюю веселость; давно извѣстно, что веселость обитателей нашей планеты прямо пропорціональна количеству свѣта, получаемого ими отъ солнца.

Бѣльскій даже ушелъ къ себѣ въ комнату сейчасъ же послѣ обѣда, не желая оставаться на холодномъ воздухѣ. Девилль разсказывалъ подробности печальнаго происшествія, случившагося въ Лозаннѣ наканунѣ, ночью. Какой-то несчастный подростокъ подобрался по карнизу къ чужому окну, сорвался съ высоты нѣсколькихъ этажей и расшибся на мѣстѣ. Миссъ Вильсонъ была глубоко потрясена этимъ примѣромъ матеріальнаго и нравственнаго паденія чело-вѣка.

Тогда заговорилъ Семеновъ:

— Г. фонъ Гайнбергъ былъ такъ добръ, что подробно изложилъ мнѣ всю вашу вчерашнюю бесѣду, господа. Окро-венно говоря, я не очень жалѣю, что пропустилъ ее; не по-

тому, чтобы я имѣлъ что-либо возразить противъ вчерашнихъ разсужденій—сохрани Богъ!—но они просто не интересуютъ меня. Согласны или нѣтъ между собою наука и религія, это по-моему вопросъ второстепенный: первая, а можетъ быть и вторая, находятся еще въ періодѣ образованія. Прежде чѣмъ достигнуть своей конечной цѣли (если это вообще возможно), онѣ сто разъ могутъ разойтись и примириться. Миру между разсудкомъ и наукой мѣшаетъ *одно* крупное и неопровержимое препятствіе, котораго вы не коснулись. Богъ долженъ быть благъ—другого Бога мы не можемъ не только чтить, но и понять—а между тѣмъ міръ, вышедшій изъ Его рукъ, дурень.

Я. Это затрудненіе чувствуется не столько разсудкомъ, сколько сердцемъ.

Семеновъ. Очень можетъ быть; но это только усугубляетъ его. Повѣрьте, господа, не въ научныхъ вопросахъ, а въ великой загадкѣ зла лежитъ причина, удерживающая отъ религіи большую часть невѣрующихъ и сомнѣвающихся. Скажите пожалуйста, что мы видимъ въ той части вселенной, которая намъ ближе и доступнѣе всего, въ человѣчествѣ, населяющемъ нашу планету? Въ прошломъ—варварство, граничащее съ одичаніемъ; шайки, звѣрски истребляющія другъ друга; религіи, дающія совѣтъ, какъ страшный кошмаръ; алтари, запятнанные человѣческой кровью; тамъ и сямъ налеты цивилизаціи, ведущіе только къ утонченію жестокости, увеличенію рабства и взрывамъ народнаго отчаянія отъ притѣсненій сатраповъ. Голоса древности, дошедшіе до насъ въ памятникахъ искусства и литературы, идутъ изъ вышнихъ слоевъ, которымъ было доступно наслажденіе, но и эти голоса за чашею фалернскаго вина пѣли съ горькой усмѣшкой.

Elheu fugaces, Postume, Postume 1),
 Labuntur anni! Non pietas moram
 Rugis et instanti senectae
 Afferet indomitaeque morti...

А подъ этимъ тонкимъ, поверхностнымъ слоємъ вся жизнь

1) Увы, Постумъ, улетаютъ быстро бѣгущіе годы! Никакое благоговѣніе къ богамъ не дастъ отсрочки морщинамъ, наступающей старости и неукротимой смерти

древняго челоувѣчества была однимъ сплошнымъ воплемъ бѣдствія.

Можетъ быть теперь, со введеніемъ христіанства, съ внѣшнимъ распространеніемъ и внутреннимъ ростомъ цивилизаціи, стало лучше жить на свѣтѣ? Тамъ, на великой Руси, милліоны людей считаютъ кусокъ чистаго хлѣба за роскошь, да и въ западной Европѣ повидимому не все сыты, когда изъ-за хлѣба идутъ постоянныя распри и убійства. Цивилизація развиваетъ потребности быстраго, чѣмъ удовлетворяетъ ихъ, и къ тому же убиваетъ вѣру въ небо, которой русскій народъ заглушаетъ свои страданія. Напрасно экономисты стараются цифрами доказать, что въ наши дни рабочій зарабатываетъ гораздо больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Они забываютъ при своихъ расчетахъ напряженіе пробудившихся во всемъ челоувѣкѣ, отъ желудка до мозга, желаній и накопившееся на сердцѣ озлобленіе. Картины жизни рабочихъ и крестьянъ, которыя нарисовалъ своимъ жесткимъ карандашомъ Зола, переносятъ насъ въ пещеры доисторическихъ троглодитовъ. И если таково положеніе дѣлъ въ Европѣ, то представьте себѣ, что дѣлается въ другихъ частяхъ свѣта! Безграничное самовластіе и милліоны голодныхъ смертей въ Азіи, набѣги и караваны невольниковъ въ Африкѣ, варварская жестокость степныхъ племенъ въ Америкѣ и на островахъ. .

Вы хотите возразить мнѣ, что эти страданія составляютъ удѣлъ не каждому челоувѣку? На самомъ дѣлѣ они касаются огромнаго большинства людей: но кромѣ нихъ есть и такія, которыхъ никто не избѣжитъ. Прежде всего существуетъ неизбѣжная, жестокая смерть, день и ночь стерегущая челоувѣка. Она задолго даетъ о себѣ знагъ мученіями, она безжалостно отрываетъ отъ насъ любимыя существа, она пугаетъ свою жертву ужасомъ послѣдней борьбы и еще болѣе страхомъ загробной тайны. И въ концѣ концовъ все, все, что мы любили, дѣлали и замыслили, она обращаетъ въ ничто. Если-бы другихъ страданій совсѣмъ не существовало, то этого одного было бы достаточно, чтобы сдѣлать жизнь челоувѣка боземысленной и жестокой шуткой. Дантову надписи надъ дверями ада слѣдовало бы поставить надъ входомъ въ жизнь. На колыбели слѣдовало бы написать:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate !¹⁾

И если-бы еще злополучное человѣчество было только несчастно! но оно негодно, грязно, грѣшно, полно преступленийъ безъ числа и имени, оно и въ самыхъ свѣтлыхъ своихъ частяхъ полно чернаго лицемѣрія, злобы, зависти и лжи— и потому еще въ сто разъ несчастнѣе!

И такое-то человѣчество долженъ я представлять себѣ созданиемъ благаго Бога! Этому я долженъ вѣрить?!

Леруа. Да, эта загадка дѣйствительно терзаетъ немало благородныхъ сердецъ. Приблизительно такъ же выражался пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Мюссэ въ вызывающей молитвѣ, озаглавленной имъ *Espoir en Dieu* (Надежда на Бога). Я ее хорошо помню:

O toi, que nul n'a pu connaître, ²⁾

1) Входящiе, оставьте всякую надежду!

2)—О Ты, Котораго никто не могъ познать, и отъ Котораго никто не отреска, не солгавъ,—отвѣчай мнѣ, Ты, Который заставилъ меня родиться, а завтра заставишь умереть!

Зачѣмъ же, о верховный Владыка, создалъ Ты зло такимъ огромнымъ, что и разсудокъ и даже сама добродѣтель приходятъ въ ужасъ при видѣ его?

Когда есть столько вещей на землѣ, которыя громко кричатъ о божествѣ и какъ будто свидѣтельствуютъ о любви, силѣ и благодати какого то отца

Какъ могутъ подъ святыми лучами свѣта существовать такія отвратительныя дѣла, отъ которыхъ замираетъ молитва на устахъ несчастнаго?

Зачѣмъ въ твоемъ небесномъ творенiи столько несогласныхъ между собою началъ? Къ чему нужны преступленiя и чума? Боже правый! Къ чему смерть?

Глубока должна была быть Твоя жалость, когда эготъ удивительный и бѣдный мiръ, со всѣми своими благами и бѣдствiями, въ слезахъ вышелъ изъ хаоса!

Такъ какъ Ты хотѣлъ подчинить его наполняющимъ его скорбямъ, то Ты не долженъ былъ дозволить ему прозрѣвать Тебя въ безконечности

Зачѣмъ дозволить нашей нищетѣ воображать и угадывать Бога? Сомнѣнiе привело землю въ отчаянiе, мы видимъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало.

Если Твое жалкое созданiе недостойно приблизиться къ Тебѣ, надо было дать природѣ окутать и скрыть Тебя

Если страданiе и молитва не достигаютъ до Твоего величiя, оставайся въ своемъ неприступномъ одиночествѣ и затвори отъ насъ безконеч-

Et n'a renié sans mentir,
Réponds moi, toi, qui m'as fait naître,
Et demain me feras mourir!

Pourquoi donc, ô Maître suprême,
As-tu créé le mal si grand,
Que la raison, la vertu même
S'épouvantent en le voyant?

Lorsque tant de choses sur terre
Proclament la divinité
Et semblent attester d'un père
L'amour, la force et la bonté,
Comment sous la sainte lumière
Voit-on des actes si hideux,
Qu'ils font expirer la prière
Sur les lèvres du malheureux?

Pourquoi dans ton oeuvre céleste
Tant d'éléments si peu d'accord?
A quoi bon le crime et la peste?
O Dieu juste! pourquoi la mort?

Ta pitié dut être profonde,
Lorsqu'avec ses biens et ses maux
Cet admirable et pauvre monde
Sortit en pleurant du chaos!

Puisque tu voulais le soumettre
Aux douleurs dont il est rempli,
Tu n'aurais pas dû lui permettre
De t'entrevoir dans l'infini.

Pourquoi laisser notre misère
Rêver et deviner un Dieu?
Le doute a désolé la terre;
Nous en voyons trop ou trop peu.

Но если наша смертельная мука может дойти до Тебя, если въ сво-
ихъ вѣчныхъ равнинахъ Ты иногда слышишь наши стоны,

Разбей глубокой сводъ, покрывающій твореніе, приподыми покровы
міра и покажись намъ, Боже правый и благой! Ты увидишь на землѣ
одну пламенную любовь въры, и все человѣчество падеть ницъ передъ
Тобою.

Слезы, истощившія его и струившіяся изъ его глазъ, какъ легкая роса
исчезнутъ въ небесахъ.

Si ta chétive créature
Est indigne de t'approcher,
Il fallait laisser la nature
T'envelopper et te cacher.

Si la souffrance et la prière
N'atteignent pas ta majesté,
Garde ta grandeur solitaire.
Ferme à jamais l'immensité.

Mais si nos angoisses mortelles
Jusqu'à toi peuvent parvenir,
Si dans les plaines éternelles
Parfois tu nous entends gémir,
Brise cette voûte profonde
Qui couvre la création,
Soulève les voiles du monde
Et montre toi, Dieu juste et bon!

Tu n'apercevras sur la terre
Qu'un ardent amour de la foi,
Et l'humanité tout entière
Se prosternera devant toi.

Les larmes qui l'ont épuisée
Et qui ruisselaient de ses yeux,
Comme une légère rosée
S'évanouiront dans les cieux..

Миссъ-Вильсонъ. Вы выставяете Бога въ очень мрачномъ свѣтѣ, господа, но Онъ не таковъ. Возможно, что человѣчество само сдѣлалось дурно, но природа, которую создалъ Богъ, хороша и прекрасна.

Семеновъ. Такою кажется она вамъ и всѣмъ намъ при поверхностномъ взглядѣ. Мы видимъ чудный зеленый коверъ, усыянный пестрыми цвѣтами и орошенный прозрачными ручейками. До нашего уха долетаетъ почти одно радостное пѣніе. То, что мы видимъ изъ жизни животныхъ: птицъ, летающихъ подъ небесами, рыбъ, плещущихся въ водѣ, скотъ, пасущійся вдаль—все это производитъ на насъ впечатлѣніе мира и свободы, а надо всѣмъ этимъ льется волшебное сіяніе солнечныхъ лучей, придающее даже камнямъ видъ жизни и счастья.

Но это лишь привлекательный обманъ, лживый плащъ, которымъ соблазнительница-природа прикрываетъ свои ужасы. Проникая съ помощью науки въ глубину этого организма, въ тайны этой жизни, мы съ изумленіемъ находимъ на даѣ—одни страданія. Упорная, полная коварства и жестокости борьба непрерывно идетъ между всѣми созданіями. Голодъ и страхъ—вотъ два главныхъ двигателя животной жизни. Даже тихія на видъ растенія борются другъ съ другомъ изъ-за мѣста, воздуха и свѣта. Они душатъ и живьемъ высасываютъ другъ друга, и конечно это взаимное мучительство смутно достигаетъ до ихъ сознанія. Такъ, подъ свѣтлымъ покровомъ вся природа представляется, какъ одна сплошная каторга.

Миссъ Вильсонъ. Нѣтъ, это невозможно! Этотъ взглядъ на природу не можетъ быть вѣренъ! Если-бы страданій было больше, чѣмъ радостей, то міръ долженъ былъ бы погибнуть и давно пересталъ бы существовать.

Я. Миссъ Вильсонъ сдѣлала очень философское замѣчаніе. Зло съ точки зрѣнія метафизики есть не что иное, какъ пробѣлъ, какъ недостатокъ въ вещи или состояніи, которое само по себѣ хорошо, т. е. требуется для совершенства цѣлаго. Страданіе есть сознаніе этого пробѣла или убыли у существъ способныхъ къ сознанію. Поэтому немислимо, чтобы зло вообще могло перевѣсить добро, потому что недостатокъ или убыль можетъ итти только до исчерпанія того, что есть на лицо—а дальше уже лежитъ *ничто*.

Деруа. Такъ, можетъ быть, говорить метафизика, но опытъ говоритъ иное и къ сожалѣнію совершенно подтверждаетъ слова г. Семенова.

Миссъ Вильсонъ. Г. Семеновъ беретъ изъ природы только моменты борьбы и боли и сплетаетъ изъ нихъ свой погребальный вѣнокъ. Но въ жизни животныхъ болѣе, несравненно болѣе часовъ, когда они наслаждаются существованіемъ, когда они насыщаются или насытились, когда они лежатъ на солнцѣ, играютъ и чистятся, когда они радуются на гнѣздо и дѣтей. А если деревья и травы—о чемъ я слышу въ первый разъ—и чувствуютъ давленіе сосѣдей, то они навѣрно также наслаждаются ощущеніемъ своихъ здоровыхъ соковъ, поднимающихся по нимъ, и ласки солнечныхъ лучей, къ которымъ они такъ тянутся. Зачѣмъ была бы

такъ весела поверхность природы, если-бы жизнь и радость не преобладали въ ней надъ страданіями? Этотъ внѣшній свѣтъ долженъ идти изнутри.

Семеновъ. Я напрасно сталъ бы долѣе спорить съ вами о томъ, чего въ природѣ больше — страданій или радостей. Я вижу, сударыня, что вы на всякую мою мрачную картину сумѣете наложить рядъ красокъ и цвѣтовъ. Объективной мѣрки здѣсь трудно держаться; поэтому я ставлю только общій вопросъ: къ чему, для какой цѣли существуетъ страданіе въ природѣ?

Гайнбергъ. Страданія въ природѣ—необходимость и благодѣяніе. Одаренныя сознаниемъ существа предназначены къ извѣстному роду самоуправленія и самостоятельности, и сами должны заботиться о поддержаніи жизни и рода; иначе—дарованныя имъ ощущенія и связанная съ ними способность движенія не имѣли бы права на существованіе. Ихъ чувствительная способность должна была быть, и дѣйствительно была такъ устроена, что полезныя вещи или здоровыя дѣйствія привлекаютъ ихъ впечатлѣніемъ пріятнаго, а вредныя предметы и тѣлесныя пораненія вызываютъ непріятныя ощущенія, и этимъ способомъ побуждаютъ избѣгать такихъ вещей въ будущемъ и исправлять ихъ въ настоящемъ. Представьте себѣ животное, которому бы голодъ не напоминалъ о насыщеніи, усталость объ отдыхѣ, боль о вниманіи къ пораненному члену тѣла—развѣ такое животное не израсходовало бы въ самое короткое время своего запаса силъ и не изорвало своего тѣла въ клочья о кусты и колючки? Если же мы себѣ представимъ, что такое животное питается и оберегается самой матерью природой и, слѣдовательно, лишено всякой самостоятельности, то у насъ получится какое-то противное, безцѣльное откармливаніе, а не животная жизнь. Поэтому способность къ страданію есть нѣчто положительное и необходимое. Высокій даръ ощущенія требуетъ соединенія обоихъ полюсовъ пріятнаго и болѣзненнаго, иначе онъ и не можетъ осуществиться.

Въ природѣ пріятное, какъ замѣтила миссъ Вильсонъ, должно перевѣшивать непріятное, потому что здоровыя отправления даютъ нормальное состояніе, противное является исключеніемъ. Жизнь болѣе или менѣе продолжительна, смерть по сравненію съ нею—мгновеніе. Кромѣ того, надо

замѣтить, что животныя во всѣхъ отношеніяхъ страдаютъ несравненно меньше людей. Даже тѣлесная боль у нихъ глуше, потому что ихъ нервная система не такъ развита и нѣжна. Низшіе виды такъ мало способны къ ощущенію боли, что нерѣдко видишь, какъ насѣкомое, насквозь прокушенное челюстями врага или сидящее на булавкѣ, съ удовольствіемъ поглощаетъ попавшуюся ему пищу. Что же касается нравственныхъ страданій, которыя острѣе всего и которыя у насъ присоединяются ко всякой тѣлесной боли, заставляя чувствовать ее задолго до ея появленія, то ихъ животныя совсѣмъ не знаютъ. Они не предвидяютъ смерти и не трепещутъ передъ ея послѣдствіями, они ничего не знаютъ о долгихъ болѣзняхъ и недугахъ старости. Все это—роскошь, которую могутъ позволить себѣ только люди, старающіеся при помощи всевозможныхъ средствъ поддержать существованіе уже подрѣзаннаго жизненнаго нерва. Когда на лонѣ свободной природы силы животнаго начинаютъ слабѣть, сейчасъ же появляются враждебные факторы и отнимаютъ у него жизнь, для того чтобы та же матерія въ другомъ видѣ начала новую жизнь. *Corruptio unius est generatio alterius* ¹⁾).

Семеновъ. Но почему именно мы, люди, пользуемся такими особыми милостями природы, и всѣ страданія, какъ тѣлесныя, такъ и нравственныя, постигаютъ насъ съ двойною силой?

Гайнбергъ. Прежде всего я нахожу, что печальная картина человѣчества, набросанная вами, чернѣе дѣйствительности. Я готовъ о ней сказать то же, что сказала миссъ Вильсонъ о вашемъ изображеніи природы: вы удержали нѣкоторыя правильныя черты, но при этомъ выпустили всѣ тѣ, которыя служатъ имъ противовѣсомъ, а между тѣмъ свѣ существують и даютъ всему совершенно другой видъ. Предположимъ, что я съ вашимъ искусствомъ (котораго у меня къ сожалѣнію нѣтъ) началъ бы развертывать картину положительныхъ сторонъ человѣческой жизни, ту картину, которую мы видимъ вездѣ, даже у самыхъ низшихъ племенъ, и заговорилъ бы о семейныхъ радостяхъ и добродѣтеляхъ, о чувствѣ справедливости, которое въ извѣстной ограничен-

1) Тлѣніе одного есть рожденіе другаго.

ной степени все-таки присуще намъ, о честности, вѣрности, гостепрѣимствѣ, объ узахъ дружбы, объ общественныхъ пирахъ и играхъ,—я увѣренъ, что ваши искусственныя, рѣзкія тѣни на половину бы разсѣялись. Почему люди такъ возмущаются случаемъ вѣроломства, какъ не потому, что обыкновенно встрѣчаютъ вѣрность? Зачѣмъ бы имъ искать общества себѣ подобныхъ, если оно не приноситъ безопасности и удовольствія? Все заставляетъ приходиться къ заключенію, что въ человѣческой жизни добро и справедливость—состояніе обычное, а зло и страданіе—исключительное.

Впрочемъ, я не оспариваю, что человечество много страдаетъ, но я хочу сказать, что оно само виновато въ этихъ страданіяхъ. Прежде всего, самъ г. Семеновъ сознался, что львиную часть ихъ составляютъ людскія пресупленія и вредъ, наносимый другъ другу людьми. И преступленія и вредъ сознательны и намѣренны. Но и другія бѣдствія нельзя назвать незаслуженными. Люди страдаютъ многими мучительными болѣзнями; но спросите врачей, откуда онѣ происходятъ. Отъ невоздержанія, излишествъ и дерзкой неосторожности самого больного или его предковъ, передавшихъ ему нездоровую кровь. Правда, бываютъ мѣстности съ убійственнымъ климатомъ, съ опасными звѣрями; но зачѣмъ же люди селятся въ нихъ, не побѣдивъ предварительно природы? Вѣрно, что у насъ царитъ нищета, и что иногда кажется, будто становится тѣсно жить на нашей планетѣ; но можемъ ли мы дѣйствительно ручаться, что разумно поставили общественныя отношенія для предотвращенія бѣдности? Имѣемъ ли мы право жаловаться на недостатокъ мѣста, пока большая часть земного шара остается невоздѣланной и неиспользованной? Отдѣльныя единицы при этихъ условіяхъ часто страдаютъ безвинно, но все человечество само виновато въ своемъ плохомъ хозяйничаньѣ на своей планетѣ и, естественно, несетъ послѣдствія этого.

Миссъ Вильсонъ. Во всемъ, что вы сказали о страданіяхъ человечества, есть много пищи разсудку, но ничего для сердца.

Семеновъ. Доказательства г. фонъ-Гайнберга были бы хороши, если-бы не было Бога. Тогда человечество было бы дѣйствительно отвѣтственно само за себя и передъ своимъ собственнымъ судомъ. Но когда есть Богъ, олицетвореніе благодати и святости, и когда это несчастное, грѣшное чело-

вѣчество есть Его созданіе, Его чадо, тогда всѣ эти соображенія разлетаются, какъ дымъ. Развѣ Богъ не могъ сохранить свое созданіе отъ зла? Развѣ Онъ не могъ воздержаться отъ творческой дѣятельности? Конечно, человѣчество преступно и грѣшно, но это по моему убѣжденію дѣлаетъ его только еще несчастнѣе и достойнѣе сожалѣнія. Къ тому же грѣхи подстерегаютъ его съ какой-то роковой силой, отъ которой оно не можетъ освободиться. Сколько разъ въ теченіе исторіи оно ни старалось возвыситься, цивилизоваться, приблизиться къ идеаламъ, каждый разъ рой преступленій, излишествъ и пороковъ возвращался съ удвоенной силой, нападалъ хуже прежняго на общество и подтачивалъ его жизнь. Какъ могло человѣчество устоять противъ такой адской власти?

Нѣтъ! атеистомъ быть я не могу—изо всѣхъ безумныхъ точекъ зрѣнія эта по моему самая безумная—но иногда я задаю себѣ вопросъ, не былъ ли правъ Зороастръ, и не существуетъ ли полюса противоположнаго Богу, нѣтъ ли вѣчнаго злого начала, которое борется съ Богомъ и скрывается въ глубинахъ вещества, тогда какъ Богъ обитаетъ на высотахъ духа? Во всей природѣ горе и уродство непонятно борются съ радостью и красотой, и черезъ всю исторію тянется ожесточенная борьба порока съ добродѣтелью; быть можетъ, и исторія и природа являются только полемъ битвы этихъ двухъ божескихъ началъ?

Девилль. Г. Семеновъ, я не вѣрю, чтобы въ ваши свѣтлыя минуты вы доходили мысленно до Ормузда и Аримана! Такое рѣшеніе вопроса не многимъ лучше атеизма, отвергнутого вами, потому что если благодѣтье входитъ въ понятіе о Богѣ, то тѣмъ болѣе входитъ въ него абсолютное бытіе, исключющее всякую зависимость и всякое другое бытіе того же порядка. А изъ выведеннаго преподобнымъ огцомъ опредѣленія отрицательной природы зла слѣдуетъ, что абсолютнаго злого начала быть не можетъ. Древніе могли въ идеѣ двойнаго божества искать легкаго объясненія противорѣчій, замѣчавшихся ими въ природѣ и въ самихъ себѣ. Но передъ лицомъ новыхъ философскихъ и религіозныхъ понятій эта мысль разлетается, какъ дымъ, и самое большее—если отражается, какъ проекція состоянія внутренне растерзанныхъ душъ на небесномъ сводѣ.

Чтобы понять великую загадку зла, надо прежде всего свести его по возможности до его существующей мѣры и отдѣлаться отъ преувеличеній фантазіи, которая въ этомъ вопросѣ легко разгорячается. Въ этомъ дѣлѣ соображенія г. фонъ-Гайнберга могутъ оказать большую помощь. Затѣмъ, надо отвести злу его надлежащее мѣсто во вселенной и постараться духовнымъ окомъ окинуть твореніе Божіе во всей его совокупности.

Если жизнь человѣка на землѣ разсматривать, какъ замыкающееся въ самомъ себѣ цѣлое, то она дѣйствительно предъ лицомъ благодати Творца очень жалка, страданія въ ней зачастую безцѣльны, смерть жестока и, какъ сказалъ г. Семеновъ, противна здравому смыслу. Но что, если эта жизнь есть только незначительная часть нашего существованія, мимолетное состояніе, предназначенное не для наслажденія нашего, а для нашей выработки и развитія? Быть можетъ, она для человѣка то же, что пребываніе сѣмени въ землѣ для позднѣйшей жизни растенія въ блескѣ солнечныхъ лучей? Быть можетъ, природѣ вообще нужны разумныя и свободныя созданія, не безвольныя существа съ навязанной имъ судьбою, а такія, которыя сами себя опредѣляли бы нравственно и сами завоевывали бы свое конечное совершенство? Быть можетъ, сообразно съ этимъ въ ихъ жизни должны быть двѣ стороны, два времени, одно—время образованія, направленія къ цѣли, движенія впередъ, которое мы называемъ нравственной заслугой, другое—время успокоенія въ достигнутой цѣли, время совершенства? Если условія нашего бытія таковы, то мы понимаемъ возможность соединенія нашихъ страданій въ этой жизни съ благодатью и мудростію Бога. Я представляю себѣ, что сѣмя, если оно по предположенію г. Семенова одарено способностью чувствовать, должно чувствовать себя очень несчастнымъ въ землѣ. Оно навѣрно тоскуетъ о свѣтѣ и воздухѣ и думаетъ, что насыщенная кислотами влага, окружающая его, хочетъ его замучить и убить, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она пробуждаетъ его къ прорастанію.

Леруа. Это въ красивыхъ словахъ все то же старое, до приторности надоѣвшее утѣшеніе: человѣкъ, терпи въ этой жизни, въ расчетѣ на будущую! Люди устали слушать одну и ту же пѣсню.

Семеновъ. Я живу въ *этомъ* мірѣ и долженъ основывать свое заключеніе только на немъ. Если я долженъ дойти до признанія мудраго и добраго Творца, то этотъ міръ долженъ являться мнѣ, какъ мудрое и доброе само по себѣ твореніе. Въдѣ Онъ создалъ не одинъ таинственный загробный міръ, а и тотъ видимый, въ которомъ движемся мы, люди!

Девилль. Господа, не будемъ, какъ вчера сказала при всеобщемъ одобреніи миссъ Вильсонъ, навязывать Богу нашихъ воззрѣній, но постараемся понять то, что Онъ сдѣлалъ. Представимъ себѣ очень близорукаго карлика, котораго сострадательный и богатый государь велитъ привести къ себѣ въ замокъ, обѣщая заботиться о немъ, какъ о сынѣ. Послѣдуемъ за нимъ. Къ замку ведетъ каменная лѣстница. На второй или третьей ступени карликъ садится, повертывается къ замку спиной и начинаетъ браниться и плакать. „Что это за замокъ!—говоритъ онъ.—Вмѣсто ковровъ и подушекъ жесткіе камни, вмѣсто потолка открытое небо! я сижу на холодѣ, и мнѣ даже нечего ѣсть. Здѣсь хуже, чѣмъ въ деревенской избѣ!“ Мы убѣждаемъ его итти дальше; мы говоримъ ему, что это только внѣшняя сторона зданія, что ему надо подняться по лѣстницѣ, и внутри онъ найдетъ и ковры, и подушки, и кушанья въ изобиліи. Напрасно! карликъ продолжаетъ сидѣть на лѣстницѣ спиною къ замку и упрямо повторяетъ: „какой это замокъ?! здѣсь такъ жестоко, я голоденъ и забну!“

Вы смѣтаетесь, господа, но посудите сами: развѣ это не похоже на то, какъ ворчатъ на Божіе твореніе многіе изъ нынѣшнихъ мыслителей и философовъ-пессимистовъ. Они берутъ маленькій вырѣзокъ вселенной, насколько можетъ достать ихъ рука и близорукій взглядъ, объявляютъ этотъ кусочекъ самостоятельнымъ цѣлымъ и въ концѣ концовъ приходятъ къ заключенію, что такое твореніе дурно, безобразно и бессмысленно.—Въдѣ и въ самомъ дѣлѣ лѣстница не имѣетъ смысла, если ее принимать за замокъ. Она только лѣстница; но какъ таковая она имѣетъ смыслъ, потому что ведетъ въ замокъ.

Точно то же и въ жизни. Если мы будемъ по требованію разума и религіи смотрѣть на нее какъ на преходящій періодъ выработки и совершенствованія, то намъ не только станетъ понятна смерть, но мы найдемъ оправданіе

и страданіямъ этой жизни. Что составляетъ цѣну и нравственную высоту человѣка? Не врожденная склонность къ добру—потому что она еще не имѣетъ характера нравственности—и не отдѣльныя добрыя дѣла—потому что за ними легко могутъ послѣдовать злыя—а выработанная нравственная добродѣтель, дѣлающая волю склонной постоянно идти по требованіямъ нравственнаго идеала. А чѣмъ вырабатывается добродѣтель? Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ усиліе образуетъ и укрѣпляетъ мускулы, которымъ иначе грозила бы атрофія, такъ и въ жизни души перенесенныя трудности и страданія развиваютъ и укрѣпляютъ добродѣтель, и она только тогда совершенна и закончена, когда оказывается способной къ такому побѣдоносному напряженію. Отсюда создалась старая, но вполне согласная съ новѣйшими психологическими наблюденіями поговорка, что страданіе есть пробный камень добродѣтели.

Итакъ, если-бы не было на землѣ страданія, то божественный цвѣтокъ добродѣтели не выросъ бы до такой высоты. Я прибавлю, что и не распустился бы въ такой роскошной пестротѣ. Сколько добродѣтелей остались бы неизвѣстными, если бы не было страданія! Терпѣніе, милосердіе, мужество, презирающее опасность и смерть, самопожертвованіе на пользу высшихъ цѣлей, почти всякое величіе духа, которому мы особенно дивимся въ *христіанскихъ* герояхъ—все обуславливается страданіемъ. Даже болѣ скромныя добродѣтели, на которыя мы тоже смотримъ съ радостью и уваженіемъ, и тѣ исчезли бы въ значительной мѣрѣ съ прекращеніемъ возможности страданія. Тогда намъ жило бы конечно удобнѣе; но если земля должна быть не мѣстомъ покойнаго наслажденія, а полемъ битвы для нравственной борьбы человѣчества, то страданія вполне справедливы и законны.

Миссъ Вильсонъ. Это совершенно вѣрно. Безъ страданій міръ былъ бы увеселительнымъ мѣстомъ, а теперь онъ высшая школа. Я даже готова утверждать, что страданія до извѣстной степени необходимы для того, чтобы вести душу къ Богу. То же по своему дѣлаетъ и радость. Когда мы любуемся великолѣпіемъ природы, добротой и красотой столькихъ созданій, то вся душа поетъ Творцу благодарственную пѣснь. Но красота и доброта созданій быстро берутъ наше

сердце въ плѣнь, приковываютъ къ міру и оставляютъ въ немъ. Страданія же, напротивъ, углубляютъ душу въ саму себя и разгоняютъ чары міра. Они даютъ намъ постичь истину, которая покоится въ глубинѣ. Мы чувствуемъ, что созданія — не та чистая доброта и красота, которой мы жаждемъ, и изъ этого естественнымъ путемъ возникаетъ тяготѣніе души къ Божеству. Я все это почувствовала, когда въ первый разъ испытала горе. Это было, когда я провела три мѣсяца у постели умирающей матери. Съ той поры и міръ и жизнь кажутся мнѣ другими, не такими трагичными, какъ ихъ считаетъ г. Семеновъ, а скорѣе торжественными, чѣмъ-то въ родѣ роли въ серьезной драмѣ, не мною сочиненной.

И Страданіе, сударыня, конечно имѣетъ ту полезную сторону, что оно побуждаетъ къ добродѣтели и отнимаетъ у міра его соблазнительный блескъ; но когда мы начнемъ говорить о существованіи *нравственнаго* зла въ мірѣ, то боль окажется безусловно *необходимой*, какъ противовѣсъ и цѣлебное средство. Страданіе обладаетъ искупительной силой. Можетъ быть, этотъ принципъ необъяснимъ, но онъ неоспоримъ и глубоко коренится въ душѣ человѣка. Возмутительнѣйшее дѣло перестаетъ возмущать насъ, какъ скоро оно наказано соответствующимъ страданіемъ. Даже умирающій на плахѣ преступникъ внушаетъ состраданіе и уваженіе, потому что онъ, какъ мы говоримъ, удовлетворяетъ правосудіе.

А какъ часто совѣсть заставляетъ человѣка самого на себя налагать страданія, даже предавать себя въ руки правосудія, чтобы наказать себя за преступленіе! Мы чувствуемъ, что человѣкъ нравственнымъ зломъ уязвляетъ нравственный порядокъ; но зато страданіе уязвляетъ человѣка и физическимъ зломъ восстанавливаетъ нарушенное нравственное равновѣсіе. Пока на землѣ существуетъ грѣхъ, должно существовать и страданіе для его искупленія.

И какъ часто страданіе является лѣкарствомъ! Какъ часто останавливаетъ оно человѣка на пути порока и возвращаетъ на путь добра! Совѣсть, особенно у такихъ людей, говоритъ такъ тихо, что голосъ ея заглушается топотомъ бѣшеной скачки подъ бичомъ чувственности и другихъ злыхъ страстей. Только болѣзнь или потеря состоянія въ силахъ остановить ихъ и заставить уйти въ себя; только

тогда они становятся способными прислушаться къ голосу совѣсти и открыть въ своей душѣ тлѣющую тамъ искорку религіи. Можетъ быть, иногда и случается, что страданія отвращаютъ отъ Бога и доводятъ до отчаянія. Но на одинъ такой случай приходится тысяча другихъ, когда они отвращаютъ отъ зла и ведутъ къ Богу.

А сколько людей, всю жизнь прожившихъ безъ Бога, возвращаются къ Нему въ смертный часъ! Сколько такихъ, которые послѣ цѣлой жизни посредственной цѣнности достигаютъ поразительной высоты во время предсмертной болѣзни!

Однимъ словомъ, какъ часто въ послѣдніе дни жизни, послѣ долгихъ лѣтъ величайшей небрежности, счастливо совершается то направленіе человѣка къ цѣли, которое, какъ доказалъ г. Девилль, составляетъ здѣсь на землѣ его жизненную задачу! Спросите насъ, священниковъ! Долгія болѣзни, служащія предвѣстниками смерти, таинственный ужасъ, все, что г. Семенову кажется жестокимъ и неразумнымъ, все это—благодѣяніе для человѣка, понятное всякому, кто помнитъ основное положеніе христіанства, что земная жизнь дана намъ для приготовленія и нравственнаго усовершенствованія.

Леруа. Изъ всего этого я вижу, господа, что вы исходите изъ существованія нравственнаго зла и главнымъ образомъ на немъ основываете оправданіе страданія, которое вы называете физическимъ зломъ.

Но скажите мнѣ, откуда же происходитъ само нравственное зло? Не возвращаемся ли мы въ заколдованномъ кругѣ?

Я. Нравственное зло происходитъ изъ свободной воли существъ. Это его абсолютное начало.

Девилль. Такъ оно и есть. И философія и христіанство даютъ такой же отвѣтъ. Иное происхожденіе нравственнаго зла немислимо.

Леруа. Что это значитъ „зло происходитъ изъ свободной воли существъ?“ Развѣ Богъ, создавая волю свободной, не звалъ напередъ, что люди употребятъ ее во зло? или не могъ предотвратить этого? Какъ это совмѣстить съ Провидѣніемъ, которое по вашимъ вчерашнимъ словамъ все предвидѣло и предустановило? Это въ самомъ дѣлѣ непонятно. И христіанство, на которое вы ссылаетесь, не только не помогаетъ

разрѣшенію вопроса о злѣ, а затрудняетъ его въ высшей степени, потому что догматъ о вѣчномъ осужденіи возводитъ зло въ сотую, въ безконечную степень.

Девилль. Когда Богъ хотѣлъ сотворить разумныя существа, способныя познавать Его и обладать Имъ, Онъ долженъ былъ сотворить ихъ свободными. Одно логически влечетъ за собой другое. Но если Онъ хотѣлъ сотворить эти существа свободными, то Онъ долженъ былъ считаться съ возможностью, что не всѣ изберутъ добро, а что нѣкоторыя обратятся ко злу. Если ны съ кѣмъ нибудь играете въ кости и тысячу разъ подрядъ выбрасываете одно и то же число очковъ, то вы скажете, что кости поддѣльныя, что одна сторона у нихъ тяжелѣе. Точно то же и съ созданіями Божиими. Если-бы они въ своемъ выборѣ неизмѣнно склонялись къ добру и обращались къ Богу, пришлось бы сказать, что ихъ выборъ не свободенъ, а заранѣе предопредѣленъ въ одномъ смыслѣ. Это извѣстный законъ большихъ чиселъ, имѣющій одинаковое приложеніе, какъ для случайностей, такъ и для результатовъ свободнаго выбора. Если же здѣсь, какъ, и тамъ этого опредѣленія въ одномъ извѣстномъ направленіи нѣтъ, то результаты, при большомъ числѣ случаевъ, дѣлятся всегда между обѣими сторонами

Но если изъ созданія свободныхъ существъ вытекаетъ возможность обращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сторону зла, и если направленіе, принятое ими на землѣ, является, какъ мы видѣли, окончательнымъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ созданія окажется то, что нѣкоторыя изъ нихъ навсегда потеряютъ свою цѣль. Велико ли число этихъ бѣдныхъ погибшихъ, или мало, очень мало, объ этомъ мы въ сущности ничего не знаемъ. Я въ этомъ отношеніи совершенно расхожусь съ Женевскимъ реформаторомъ и склоняюсь къ тому взгляду, что число блаженныхъ будетъ несравненно больше. Я полагаю, что у вратъ вѣчности насъ удивитъ не столько правосудіе Божіе, сколько Его милосердіе.

Вы говорите, г. Леруа, что христіанство возводитъ зло въ безконечную степень? Въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно, но прибавьте, что добро оно возвышаетъ еще безконечно больше. Въ этой жизни и то и другое кажется намъ чѣмъ-то очень относительнымъ. Абсолютное различіе между ними, котораго

требуетъ нравственность, и абсолютная цѣнность, которую она себѣ приписываетъ, съ земной точки зрѣнія намъ непонятны. Только при свѣтѣ христіанства все становится яснымъ, и открывается абсолютная цѣнность нравственности и серьезность нашей жизненной задачи.

Гайнбергъ. Это вѣрно, г. Леруа. Если составлять сужденіе о христіанскомъ Богѣ, то Его надо брать такимъ, какимъ Его изображаетъ христіанство, въ связи съ загробнымъ міромъ. Если же, напротивъ, этого Бога отрицать, то приходится хвататься за системы, въ которыхъ все обуславливается необходимостью—и тогда не оказывается никого, на кого можно было бы сложить вину за бѣдствія этой жизни.

Леруа. Я не отрицаю, что объясненіе г. Девиля разумно, хотя можно было бы сдѣлать на него еще нѣкоторые вопросы и возраженія. Въ общемъ я предпочиталъ бы Бога, который со своей высоты всетаки сколько нибудь обуздывалъ бы зло, но, можетъ быть, это одинъ изъ тѣхъ личныхъ, субъективныхъ взглядовъ, къ которымъ мы такъ склонны въ этомъ вопросѣ. Я откровенно признаюсь г. Девилю, что онъ далъ великому и трудному вопросу зла объясненіе глубоко продуманное и послѣдовательное, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ чертахъ. Можетъ быть, и г. Семеновъ молчитъ, потому что сознаетъ это.

Я. Кому загадка зла кажется недостаточно разъясненной философскими доводами г. Девиля, тотъ пусть послушаетъ, какъ звучитъ тотъ же мотивъ въ болѣе высокомъ переложеніи боговдохновеннаго догмата. Я думаю, что при этомъ осуществится и желаніе господина Леруа, чтобы Богъ съ небесъ обуздывалъ зло.

То, что Богъ создалъ, если можно такъ выразиться, первымъ взмахомъ, было сплошнымъ добромъ и счастьемъ. Въ-место того, чтобы подчинить человѣка боли и смерти, которыя составляютъ законное слѣдствіе его сложной природы, Ему было угодно поднять его сразу на высшую ступень. Онъ поставилъ его въ сверхъестественныя условія, при которыхъ человѣкъ долженъ былъ сначала прожить въ неизмѣнномъ счастьи время испытанія, а потомъ—безъ смерти перейти къ вѣчному блаженству. Человѣкъ своевольно воспротивился. Въ-место одного добра онъ захотѣлъ отвѣдать плодовъ добра и зла. Богъ исполнилъ его желаніе, не потому, чтобы Его къ тому

принудила власть зла, разрушившая Его планы, а потому, что въ злѣ онъ видѣлъ средство еще болѣе полного осуществленія своей милосердной воли. „Ступай,—сказалъ Онъ человѣку,—дорогой, которую ты избралъ. Въ наказаніе ты много пострадаешь на ней. Но спасительныхъ предначертаній Моихъ, съ которыми Я создавалъ тебя, Я не измѣню. Кривымъ путемъ, который тебѣ такъ понравился, Я еще возвышеннѣе доведу тебя къ той же цѣли“.

И съ тѣхъ поръ человѣкъ и человѣчество идутъ не прямымъ путемъ отъ правды къ правдѣ, отъ радостей эдема къ небесному блаженству, какъ первоначально предлагалъ имъ Богъ, а странствуютъ съ поникшей головой сквозь „волчцы и тернія“, которые даетъ имъ земля. Они ищутъ правды—и идутъ не туда, куда надо. Все глубже и глубже запутываются они, попадаютъ изъ одной ошибки въ другую и наконецъ убѣждаются въ томъ, что обманулись. Тогда они оборачиваются и устремляютъ взоры туда, гдѣ лежитъ первая покинутая ими дорога. Между тѣмъ они жаждутъ удовлетворенія и счастья и бросаются во все безумства. Изъ всѣхъ твореній хотятъ они извлечь живительную сому. Они пробуютъ все радости и наслажденія, доступныя каждому человѣку въ отдѣльности или обществу въ совокупности. Все напрасно, вездѣ разочарованіе. Все яснѣе чувствуютъ они, что утратили какой-то необходимый элементъ счастья; они мечтаютъ о немъ и иногда поднимаютъ глаза къ небу.

Будетъ ли Богъ безъ состраданія взирать съ высоты на людскую тоску и блужданіе?

Уже въ тотъ часъ, когда Онъ изгонялъ человѣка изъ рая послѣ перваго грѣхопаденія, Онъ обѣщалъ ему съ отеческой благостью прійти и протянуть руку помощи. Когда впоследствии начинаетъ исчезать память объ этомъ драгоценномъ обѣтованіи, Богъ сообщаетъ избраннымъ орудіямъ дуновеніе Своей силы. Божественнаго происхожденія религія свѣтлымъ лучомъ тянется съ неба черезъ темныя судьбы человѣчества. Слова правды, которыхъ алчутъ души, все чаще и чаще спадаютъ съ Божественныхъ высотъ. Обѣтованіе спасенія, которое принесетъ Самъ Богъ, повторяется все яснѣе. Умы, усталые отъ разочарованій, уже обращаются къ тому свѣтлому лучу. Окоченѣвшія отъ тоски по Богѣ сердца начинаютъ биться скорѣе. Мигъ исполненія обѣтованія настаетъ.

Умы достаточно заблуждались и сердца пострадались довольно, и убѣдились, что спасеніе можетъ прійти только съ неба. Обѣтованіе исполнилось поистинѣ божественно, въ миллионъ разъ великолѣпнѣе, чѣмъ ждало и могло вообразить себѣ человѣчество.

Когда глубоко человѣчный поэтъ, приведенный въ примѣръ г-номъ Леруа, прочувствовалъ всю тоску и блужданіе человѣчества, онъ въ отчаяніи умолялъ Бога явить Себя землѣ:

Brise cette voûte profonde
 Qui couvre la création,
 Soulève les voiles du monde
 Et montre-toi, Dieu juste et bon!

Онъ говорилъ это вызывающе, безнадежно. А между тѣмъ Богъ всетаки это сдѣлалъ, и сдѣлалъ давнымъ давно! Богъ Самъ сдѣлался человѣкомъ и, какъ учитель и спаситель, сошелъ на эту маленькую планету и принесъ намъ свѣтъ и жизнь.

Но что же случилось? Исполнилось ли то, за что ручался Богу поэтъ въ своемъ вдохновеніи, и что по нашему должно было бы случиться:

..... l'humanité tout entière
 Le prosternerait devant toi—?

Удивительно! по прошествіи двухъ тысячелѣтій число колѣнопреклоненныхъ передъ вочеловѣчившимся Богомъ людей составляетъ совсѣмъ малую часть человѣчества. Большая часть земного шара сохраняетъ тотъ же видъ, что и до воплощенія. Можно бы подумать, что Бога постигла неудача.

Такъ можемъ думать мы, однодневныя мошки, потому что намъ не дано проникнуть въ мысли Того, предъ Кѣмъ тысяча лѣтъ, какъ день одинъ. Религія, принесенная въ міръ Богочеловѣкомъ, проникаетъ въ человѣчество съ побѣждающей силой, но дѣйствуетъ медленно, какъ тѣ міровыя силы, которыя создали міръ вещественный. Она дѣйствуетъ медленно, потому что для Бога—дѣло не въ матеріальной побѣдѣ, а въ приобрѣтеніи убѣжденныхъ, въ завоеваніи сердець. Онъ хочетъ, чтобы человѣчество обратилось къ Нему по доброй волѣ, потому что религія есть союзъ любви между Богомъ, свободно оказывающимъ милосердіе своему созданію и созданіемъ, также свободно несущимъ свою любовь Богу. А на это нужно время.

Воплотившійся Богъ стоитъ среди человѣчества во всемъ блескѣ Своей Богочеловѣческой красоты, и все больше и больше душъ обращаются, слѣдуютъ за нимъ съ вѣрою и любовью. И всѣ загадки жизни становятся ясны ихъ простой вѣрѣ, всѣ страданія дивнымъ образомъ превращаются для нихъ въ ступени добродѣтели и освященія. Христіане въ своихъ страданіяхъ испытываютъ таинственное единеніе съ распятымъ Христомъ. Они называютъ страданія крестами, и такъ глубоко убѣждены въ ихъ искупительной силѣ, что нерѣдко возвышаются до сверхчеловѣческой любви къ этимъ крестамъ.—И великое множество дивныхъ, геройскихъ добродѣтелей расцвѣтаетъ на землѣ. Духъ, вступившій въ міръ съ эпохой мученичества, не исчезъ. Онъ вылился въ сотняхъ тысячъ дѣлъ святого самопожертвованія, которыя не такъ очевидны, но въ совокупности даютъ большую сумму нравственнаго совершенства.

Много душъ не узрѣли еще воплотившагося Бога и не глядятъ еще въ ту сторону, гдѣ Онъ стоитъ. Онъ продолжаютъ искать истины на стезяхъ заблужденія и счастья на пути порока. Но и онѣ принадлежатъ къ стаду, которое Пастырь въ свое время соберетъ въ свою ограду. И само ихъ блужданіе заставитъ ихъ, какъ я уже сказалъ, повернуть на путь истины. Если не раньше, то во всякомъ случаѣ по описаніи всей необъятной кривой заблужденій человѣчество достигнетъ Божественной истины, отъ которой оно уклонилось съ самаго начала. И насколько крѣпче и искреннѣе ухватится оно за эту истину, зная по опыту, какъ далеко до нея итти изъ безднъ заблужденія! И всѣ религіи падутъ предъ одной истинной религіей. И всѣ науки, идущія въ данную минуту по пути отрицанія, склонятся передъ этой религіей и подадутъ свое свидѣтельство въ пользу ея. И человѣческія изобрѣтенія достигнутъ тогда своей цѣли: онѣ будутъ служить *этой* жизни и помогать достиженію *той*, будущей; потому что только горькій опытъ смиряетъ гордыню, изъ-за которой теперь многія изобрѣтенія увеличиваютъ человѣческія страданія вмѣсто того, чтобы облегчать ихъ, и вмѣсто свѣта и мира распространяютъ на земномъ шарѣ ложь и ненависть. Не напрасно Творецъ природы и скрытыхъ въ ней силъ, призывая человѣка къ господству надъ ними, благословилъ его словами: „владычествуй надъ

ними“. Общественныя и государственныя формы, еще донынѣ полныя языческихъ началъ, въ концѣ концовъ тоже воспримутъ евангельскій духъ, медленно проникающій въ міръ. Евангеліе до сихъ поръ покорило извѣстное число отдѣльныхъ людей, тамъ и сямъ подчинило семью, но въ общественной жизни, въ политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ оно не имѣетъ пока еще никакого значенія. И все-таки оно не только обладаетъ силою освящать отдѣльныя личности, но оно есть социальная сила, стремящаяся сложить общество по предначертаніямъ Божиимъ. Эта идущая съ неба власть должна осуществиться! Нѣкоторые думаютъ, что она уже создала въ средніе вѣка *respublicam christianam*, но по сравненію со всѣмъ человѣчествомъ это былъ опытъ въ малыхъ размѣрахъ и надъ грубымъ и варварскимъ матерьяломъ. Въ средніе вѣка духовная и свѣтская власть, не будучи строго разграничены, до извѣстной степени слились въ одно. Новѣйшее время вдохнуло въ обѣ силы самосознаніе, и онѣ враждебно выступили другъ противъ друга. Только въ концѣ этого процесса онѣ съ полнымъ сознаніемъ и полной свободой подадутъ другъ другу руки и органически соединятся въ царство Божіе на землѣ.

Книги ветхаго и новаго завѣта одинаково обѣщаютъ царству Христову не что-нибудь половинное, не какое-нибудь государство, ограничивающееся извѣстными народами, а господство надъ всей землею. Одинъ пророкъ говоритъ: „Я дамъ народы въ наслѣдіе Твое и предѣлы земли во владѣніе Тебѣ“ (Пс. 2, 8). Другой пророчествуетъ: „всѣ народы, племена и языки“ послужатъ Ему, „и царство Его не разрушится“ (Дан. 7, 14). Третій видитъ это царство въ образѣ горы, поднимающейся надъ холмами, и къ ней, говоритъ онъ, потекутъ „всѣ народы“, и научатся „путямъ Господнимъ“, и будутъ ходить „по стезямъ Его“, „и перекуютъ мечи свои на орала и копыя свои на серпы, и не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать“ (Ис. 2. 2. 3. 4).

Мы еще очень далеки отъ этой цѣли, можетъ быть—стоимъ только въ началѣ пути. Колебанія, которыя обнаруживаетъ наше движеніе впередъ, производятъ на насъ въ свои крайнія минуты впечатлѣнія, какъ будто мы удаляемся отъ цѣли. Но если мы окинемъ взоромъ все теченіе исторіи. то можемъ

убѣдиться, что царство Божіе хоть и медленными шагами но въ самомъ дѣлѣ приближается.

Это, конечно, не догматъ, но это вытекаетъ изъ всего до-строительства Божія и изъ смысла Священнаго Писанія. Апостоль говоритъ, что Христось будетъ царемъ, т. е. будетъ править и распространять Свое царство въ людяхъ, пока всѣ вражескія силы не падутъ къ Его ногамъ. Только тогда истребится послѣдній врагъ—смерть. Въ самомъ дѣлѣ, за ключительнымъ актомъ этой божественной эволюціи только и можетъ быть возрожденіе, новая жизнь безъ тѣни зла и смерти, потому что все зло будетъ тогда побѣждено, и однимъ Богомъ, а соединеннымъ съ Богомъ человѣчествомъ. И даже сама природа, таинственно заключаетъ апостоль, которая теперь стенаетъ и мучится, какъ раждающая, будетъ избавлена отъ рабства тлѣнію и будетъ по своему принимать участіе въ прославленіи чадъ Божіихъ

Путь, которымъ идутъ міръ и человѣчество (черезъ побѣду надъ заблужденіями—къ истинѣ, и черезъ знакомство со зломъ—къ добру) и есть тотъ путь, который человѣкъ выбралъ, а Богъ божественно преобразоваль. Человѣчество должно трудиться на этомъ пути дольше и усиленнѣе и терять можетъ, быть, больше, чѣмъ на томъ, который ему сначала указаль Богъ, но такой путь несравненно величественнѣе: Бога и совершенства Его онъ открываетъ и прославляетъ помяте, а человѣку даетъ гораздо большую законченность и блаженство. Поэтому въ пристани вѣчности люди будутъ пѣть о грѣхопадєніи Адама *O felix culpa* ¹⁾, какъ дѣлаеть это и теперъ, въ пасхальный день, церковъ.—И именно для того, чтобы такъ вышло, всевѣдушая благодь конечно и допустила ту первую, блаженную вину.

Мысль Вильсонъ. Уважаемый отецъ, отъ всего сердца благодарю васъ за такое прекрасное пониманіе Бога!

Гайнбергъ. Куда мы зашли? Мы начали сегодня съ мрачнаго пессимизма, а кончаемъ свѣтлымъ оптимизмомъ!

Я. Совершенно вѣрно. Пессимизмъ—туманъ, который можетъ держаться только внизу. Выше, надъ облаками земного познанія, въ лучахъ Божественной правды, сіяеть вѣчный оптимизмъ.

1) О блаженная вина!

Семеновъ. Ахъ, если-бы можно было вѣрить!

Эти слова Семеновъ произнесъ какимъ-то особеннымъ, глухимъ голосомъ—и посмотрѣлъ на небо. И мы взглянули вверхъ.

Въ продолженіе нашей бесѣды небо совершенно прояснилось, и наступила прекрасная, свѣжая ночь. Звѣзды сверкали таинственно и безконечно далеко. Мы ничего не сказали, но почувствовали, что эта струящаяся съ небесъ красота овладѣваетъ нами и заставляетъ вѣрить въ себя.

М. Моравскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)
